

Как хорошо без женщины, без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,
Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут и вас еще ревнуют!

Как хорошо без театральных сцен,
Без длинных «благородных» объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений.

И как смешна нелепая игра,
Где проигрыш велик, а выигрыш — ничтожен,
Когда партнеры ваши — шулера,
А выход из игры уж невозможен.

Как хорошо с приятелем вдвоем
Сидеть и пить простой шотландский виски
И, улыбаясь, вспоминать о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки.

Как хорошо проснуться одному
В своем веселом холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
«Давать отчеты» — никому на свете!

А чтобы «проигрыш» немного отыграть,
С ее подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там «застраховать»
Простое самолюбие мужчины!

А. Вертинский, 1940

Глава 1

Лет двадцать назад, когда Максим еще учился в медицинском институте, профессор с кафедры внутренних болезней говорил ему:

— Вам, Доценко, в наркологию надо. Вот только не знаю, пациентом или врачом.

Максим продирали мутные глаза, встряхивался. Нет, пьяницей он не был. Подрабатывал по ночам, разгружая машины, или дежурил на «скорой». Деньги требовались постоянно и в немалых количествах, потому что жена, диктор на радио, хотела и нарядов, и ресторанов, и поездок за границу. Он пытался ответить для себя на вопрос, почему этакая звезда выбрала именно его, но приходил к единственному выводу: внешность. И, может, характер.

Он ходил на длинных ногах, гордо ступая, взирая на всех с высоты почти двухметрового роста. Пронзал взглядом ледяных серых глаз. Едко шутил, говорил мало и по делу. Казался со стороны умудренным жизнью, хотя про себя признавал: пацан, неопытный щенок. Угораздило связаться с дамой на десять лет старше — расплачивайся теперь. Жена, Анна Ивановна, соблазняла его настойчиво и неотступно, преследовала, можно сказать. Положила глаз на студента-медика с худым лицом и поджарым телом,

воспользовалась мимолетной связью, забеременела. Так Максим обзавелся женой-звездой, дочкой с такими же, как у него, пронзительными серыми глазками, и обязанностями: зарабатывать, прислуживать, ублажать. Первое время, пока Сашка была совсем маленькая, ночи напролет носил ее на руках, баюкая. Дочка плохо спала, плакала — повышенное внутричерепное давление, кислородное голодание при родах. Анна Ивановна рожала долго, стонала и кричала, уговаривала сделать ей кесарево, чтобы не мучиться. В конце концов знакомый акушер локтем выдавил Сашку из ее утробы, сорвал раздраженно маску с лица и, выйдя за дверь родовой, рывкнул на Максима:

— Забирай свою психованную!

Теперь, спустя два десятка лет, эта психованная снова требовала денег, утверждая, что он отнял у нее квартиру, нажитую в браке. О том, сколько ему пришлось вкалывать, чтобы купить ту несчастную трешку, Максим не напоминал, но был твердо намерен отдать квартиру дочери. Анна Ивановна, слава которой осталась далеко позади, страдала от отсутствия внимания даже больше, чем от нехватки денег: с разводом они перестали притекать к ней от безотказного мужа-сопляка. Да и тот окреп, оперился — стал, как советовал профессор, психиатром-наркологом, подзаработал в двухтысячных, вытрезвляя запойных на дому, сколотил сначала маленькую частную наркологию, а потом полноценную клинику, где лечили уже не маргиналов-алкашей, а солидных бизнесменов с мегаломанией на фоне запущенного сифилиса, их дочек на дорогих машинах, у которых гноми-

ки селились в головах, и жен, что оказывались на поверку не страдалицами с депрессией, а банальными нимфоманками. С последними хлопот было больше всего: они как одна рвались на психотерапию к видному доктору, являлись в провокационных нарядах и делились откровениями, после которых хотелось скорей выйти в туалет, помыть руки.

Парочка таких добивалась его внимания почище Анны Ивановны — звезды, но он, блюдя врачебную этику, держался стойко — ни с одной из претенденток даже кофе не согласился выпить. Поэтому, когда возбужденная девушка влетела без стука в его кабинет и стала озираться в поисках места, куда удобнее будет сесть, он нахмурил брови, указал рукой на кресло возле стены, а сам остался за рабочим столом, как на допросе. Девушка уселась, повозилась немного и замерла. Подняла на него глаза с немым вопросом: что дальше? Максим нарочито медленно перебрал на столе медицинские карты, взялся за ручку.

— Фамилия?

— Чья?

— Ваша. Фамилия, имя и возраст.

Девушка, похоже, растерялась. Посмотрела удивленно, потом ответила:

— Георгиева. Элина. Тридцать четыре года. А что? Он записал в бланке данные, вздохнул.

— С чем пожаловали?

— Я? С Дмитрием Павловичем.

«Шизофрения, — подумал Максим обреченно, — Дмитрий Павлович головного мозга».

— И что с ним?

— С Дмитрием Павловичем? Запой. Доктор, вы меня не помните? Я уже привозила к вам из московского офиса замгенерального. Компания «Башкирская нефть».

Максим взгляделся повнимательнее — нет, лицо незнакомое.

— А может, мы у другого врача были? Я сама не помню. У вас ведь анонимное лечение? Моему начальству светиться нельзя.

— Анонимное, не беспокойтесь.

Максима немного отпустило; похоже, девушка в полном порядке. Секретарь, наверное. Доставила начальника на капельницу, вырезвлять.

— И где ваш Дмитрий Павлович?

— В процедурной. Вам не сказали?

— Нет. Сейчас я посмотрю.

Максим поднялся, распрямил длинные ноги, одернул халат. Оставив девушку в кабинете, прошел в процедурную, откуда неслись яростные крики. Дюжий санитар придерживал на кушетке мужчину под шестьдесят, в пиджаке и рубахе с галстуком, но без брюк. На волосатых голых ногах болтались съехавшие носки, один ботинок лежал у самой двери.

— И что тут?

— Делирий, — сразу же ответила молоденькая врач, которую они месяц назад приняли на работу, — острый.

— Ясно. Фиксируйте, начнем детоксикацию. Кровь возьмите у него.

— Не дается.

— Колите диазепам.

Максим вернулся в кабинет, где девушка так и ютилась на краешке кресла, сел за стол, принялся писать назначения.

— Больной ваш в состоянии алкогольного делирия, нужна детоксикация. Будете госпитализировать?

— Буду, — кивнула она. — Только мне для бухгалтерии понадобятся документы.

— В регистратуре вам выдадут. Данные ваши там есть?

— Есть реквизиты компании и мой телефон.

— Тогда идите оформляйтесь.

Девушка вскочила, прижимая к боку дорогую кожаную сумку. Только сейчас Максим заметил, что она довольно высокая, с приятно округлой фигурой. Ноги могли быть стройнее, конечно, но в целом хороша.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Элина.

— Перезвоните мне, Элина, завтра с утра. Часов в одиннадцать. Разберемся с вашим... Дмитрием Павловичем?

— Да, — подтвердила девушка, хлопая чересчур накрашенными ресницами. — Скажите, а когда он сможет вернуться на работу?

— Пока не знаю. Дня три понадобится, думаю. Завтра скажу точнее.

— Спасибо вам, доктор, большое. Вы нас всегда так выручаете! Это ведь уже не в первый раз...

— Да-да, пока не за что, — оборвал ее Максим, снова опуская взгляд на бумаги, — звоните.

Девушка вышла, оставив после себя легкий запах цветочных духов. Максим привычно заполнил бланки, посидел, подперев голову рукой. Крики в процедурной затихли — похоже, клиент успокоился. Можно обследовать.

Только собираясь уходить, запирая дверь в кабинет, Максим вспомнил, что девушку и правда видел раньше — кого-то еще она привозила к ним, из совета директоров. Спросил про нее в регистратуре, и медсестра, заглянув в компьютер, сказала, что это ассистент отдела персонала. Неудивительно, внешность говорит сама за себя. В нефтянке любят высоких блондинок.

Назавтра Элина позвонила, как он сказал, в одиннадцать утра, спросила, как дела у Дмитрия Павловича. Максим объяснил, что случай непростой, еще и с сердцем проблемы. Ночью врач, которая оставалась на дежурство, набегалась с ним. Семья у пациента есть?

— Есть, в Уфе. Здесь я за него отвечаю.

— Тогда готовьтесь, что он где-то неделю у нас пробудет. Можете приезжать, навещать. Но не сегодня, через пару дней. Пока что ничего не требуется.

— Еще раз спасибо вам, доктор. Тогда я приеду во вторник.

Максим пожал плечами, повесил трубку. Во вторник девушка действительно появилась, прорвалась к нему, хотя медсестра и просила не беспокоить, принесла в пакете бутылку коньяка и шоколадные конфеты.

— Я не пью, — ответил Максим вместо благодарности. Таких бутылок и коробок у него стояли в шкафу десятки.

— Это от компании, всему вашему коллективу. Даже не знаю, что бы мы без вас делали. Понимаете, из региональных отделений приезжают в Москву начальники, считается, что в командировку. А на самом деле отдохнуть. Ну и могут переусердствовать. Работа у них нелегкая, постоянный стресс. Они так расслабляются. Я же не могу им запретить.

Про стресс и нелегкую работу Максим слышал ежедневно по столько раз, что мог бы запросто и сам рассказать. Изображая заинтересованность, перебирал в голове список новых пациентов. Булимия, паническая атака, запой. У запоя тромбоз глубоких вен, надо перевозить в государственную больницу, в сосудистую хирургию. Времени на переговоры с секретаршей — ах нет, ассистентом отдела персонала — в обрез.

— Элина, я понял. Мы делаем все необходимое. Не волнуйтесь, вернем вашего командировочного в добром здравии. Мне пора.

Она потянулась к нему, взяла за рукав:

— Компания очень вам благодарна! — и сунула в карман халата плотный голубой конверт.

Максим вздохнул, вернул его назад.

— Это лишнее. Вы достаточно платите и так.

— Пожалуйста, доктор, возьмите! Лично себе.

— Я же сказал, не надо!

— Мне генеральный строго велел вам передать.

Она стояла перед ним, запрокинув голову, чтобы смотреть в глаза. На лбу он заметил россыпь мелких

прыщиков, на губах — следы стершейся помады. Но кожа, правда, светлая, с нежным персиковым румянцем. Конверт снова оказался у него в кармане; Максим взял девушку за локоть, разворачивая к выходу.

— Я позвоню вам, если что-то понадобится.

— Да-да, звоните, — воскликнула она, обрадованная, — в любое время.

Максим проводил ее до регистратуры, помог набросить пальто. Оно было из мягкой шерсти, молочно-белое; он механически заметил, что его приятно держать в руках и от воротника идет тот же цветочный запах парфюма. Перед глазами мелькнули длинные светлые волосы — крашенные, суховатые, завитые на концах — аромат стал сильнее. Элина развернулась к нему лицом, кивнула, прощаясь:

— Я завтра заеду еще раз. После работы. Вы во сколько заканчиваете?

— В семь. Но приезжать нет смысла. Ему ничего не нужно. Ждите звонка.

Не хватало еще из-за нее задерживаться на работе! Приедет под конец дня, будет задавать дежурные вопросы: как состояние, когда можно забирать? С другой стороны, конверт с деньгами обязывает вроде как проявить повышенное внимание. Интересно, сколько там? В какую сумму «Башкирская нефть» оценивает трезвость сотрудника?

В конверте оказалась тысяча долларов — именно в валюте. И что с ними делать? Отдать Анне Ивановне, которая опять активизировалась, требуя денег? Самому вполне хватает зарплаты и доли в доходах от клиники. А вот бывшая бедствует. Когда они развелись четыре года назад, Анна Ивановна ре-

шила вернуться к матери, в центр. Трешка стояла свободная, и вдруг понадобилась ей зачем-то. Обойдется, она в нее ни копейки не вложила. Надо скорее оформить квартиру на дочь. Себе Максим, подкопив, купил таунхаус в поселке возле Внукова.

Туда он и приехал под вечер, припарковался у крыльца, отпер дверь ключом с тяжелой связки. Его секция была небольшая, девяносто метров на два этажа. Много места ему ни к чему — живет один, дома только спит и работает по выходным в кабинете. Пишет статьи для медицинских изданий по наркологии и психиатрии. Максим ступил в коридорчик, снял кожаную куртку. Сдернул с шеи стетоскоп — надо же, забыл оставить на работе! Прошел в кухню, объединенную с гостиной, вымыл руки в раковине, вытер бумажным полотенцем, оторвав от рулона. Налил в кружку кофе из машины, смешал с молоком из пакета.

В холодильнике, кроме молока, имелись только початая бутылка минеральной воды, сэндвич в пленке и кусок шоколадного торта, оставшийся со вчерашнего дня рождения администратора из клиники. Он понюхал торт, выставил на журнальный стол, опустился в кресло. Рукой отломил край, сунул в рот и начал жевать, не ощущая вкуса. Сладко, приторно... Торт полетел в мусорное ведро; Максим забрал кофе и поднялся наверх, в кабинет. Зажег лампу, открыл ноутбук и оставил загружаться. Сам переоделся в спальне в растянутые домашние штаны, футболку с английским бульдогом на груди и выдавшие виды «кроксы». Кровать стояла без покрывала, но белье было чистым — вчера меняла домработница.

Ее наличие у бывшего мужа раздражало Анну Ивановну несказанно, поскольку сама она позволить себе помощницу не могла. Максим советовал ей работать, не претендуя на былые лавры, но та, оскорбленная, отказывалась. Жила на то, что периодически подкидывали ей он или Сашка, временами заводила любовников и из них тоже тянула деньги. В тяжелые времена кормилась на пенсию матери, бывшего следователя прокуратуры. Анна Ивановна, официально считаясь ее опекуном, могла распоряжаться материнскими деньгами, и Максим подозревал, что львиная доля пенсии уходит на ее укладки и педикюры. При мысли о том, как бывшая жена с тещей живут под одной крышей, орут друг на друга и выясняют отношения, Максим всегда ежился и зажмуривал глаза. Он и Сашке не советовал к ним ездить, хотя понимал, что поступает несправедливо — там все-таки мать.

Ноутбук уже загрузился, и Максим уселся перед ним, на ощупь найдя на столе рядом очки. Для начала заглянул в электронную почту, почитал сообщения от пациентов с традиционными вопросами — можно ли употреблять одновременно с антидепрессантами алкоголь, можно ли бросить прием антипсихотиков, а потом снова начать. Коротко ответил: пить не надо вообще, бросать таблетки опасно. Взялся за статью, которую писал в расчете на публикацию в «Ланцете».

Было уже около полуночи, когда, повинуясь внезапному импульсу, он залез на сайт «Башкирской нефти», поискать в разделе «Сотрудники» что-нибудь про Георгиеву Элину. Нашлась буквально пара слов

и маленькая фотография на фоне рекламного стенда. Удовлетворив любопытство, вышел на балкончик подышать. Курить он бросил сразу после развода, но рефлекс — выходить и делать передышки на воздухе — никуда не делся с тех пор. Правда, в доме не осталось ни одной пепельницы, зажигалки или зачатки сигарет. Алкоголь он тоже больше не хранил — и не употреблял. Было дело, увлекался, пришлось в приказном порядке себя остановить. Под конец их с Анной Ивановной брака они частенько выпивали вместе, потом ругались и расходились спать по разным комнатам. Хорошо, Сашка уже переселилась к бойфренду и ничего этого не видела. Анна Ивановна так и продолжала пить, он же завязал и пока держался.

Максим отправился в спальню, сел на кровать. Электронные часы-будильник с большими зелеными цифрами, ярко горевшими в темноте, показывали половину второго ночи. Он и не заметил, что засиделся так поздно. Почитал перед сном пустяковый триллер. Отложил очки, потер глаза, зевнул и перевернулся на бок, рассчитывая сразу заснуть. Почему-то вспомнились светлые волосы над пальто молочного цвета, персиковые округлые щеки, промелькнуло даже что-то вроде эротической фантазии... но додумать ее он не успел, провалившись в сон.

Элина, несмотря на предупреждение, все-таки явилась назавтра в самом конце рабочего дня, прошла к нему в кабинет.

— Доктор, а вы скоро освободитесь? У меня поручение сводить вас поужинать в ресторан. Наша компания приглашает. Вы как, не против?

Она держалась уже чуть увереннее и выглядела слишком нарядной для офиса. Похоже, специально готовилась к встрече с ним. Губы темно-бордовые, ресницы опять покрашены слишком щедро. Сапоги на высоких каблуках, черное платье не доходит до колен. Напрасно она так выставляет ноги, все-таки они толстоваты! Но красивая вполне. Сходить, что ли, с ней?

Максим сделал вид, что задумался, открыл случайную карту, лежавшую на столе, что-то ручкой в ней черкнул.

— Я закончу минут через двадцать. Если подождете, можем пойти.

— Да, конечно. Я буду в регистратуре.

Она скрылась за дверью, а Максим, выждав пару минут, пошел в туалет. Намочил под краном ладонь, освежил волосы, подстриженные коротким ежиком. Седых с каждым днем становилось все больше, но это его не смущало. В шкафчике у врачей был запас одноразовых зубных щеток, лежал даже бритвенный набор. Он почистил зубы, умылся. В кабинете снял халат, оставил стетоскоп в ящике стола. Отряхнул джинсы, придирчиво посмотрелся в зеркало, и остался собой доволен.

Элина сидела на диванчике в регистратуре, читала что-то в телефоне. Услышав его шаги, оторвалась от экрана, прищурила близоруко глаза. Максим подал ей руку: можем идти. Они оделись, Максим попрощался с медсестрой за стойкой, и уже на крыльце спросил Элину, куда они, собственно, направляются. Она предложила ресторан по соседству, чтобы не ехать на машине. Максим периодически ужинал там,

и выбор ее поддержал — вкусная кухня, приятная атмосфера. В темноватом зале, где стояли по стенам книжные стеллажи, а вдоль них — круглые столы с кожаными креслами, он выбрал место в углу, усадил Элину и сам поместился напротив. Официант выложил перед ними меню, винную карту, и она сразу попросила бутылку «Хванчкары». Максим удивился, что его не спросили, будет ли он пить, но промолчал. Элина покопалась в сумочке, достала пудреницу с серебряистой крышечкой, поправила, глядясь в зеркальце, волосы. Сказала напряженно:

— Вы уж простите, что потащила вас так. У моего руководства свои представления о сотрудничестве. Это все пожилые люди, советской закалки. Для них ресторан — обязательная часть программы. Вы не сердитесь на меня?

— За что ж сердиться? — ответил Максим вопросом на вопрос. — Поужинать в компании красивой женщины всегда приятно.

— Спасибо, — улыбнулась она с облегчением. — Я не спросила про вино, простите! Вы же не пьете, я правильно помню?

— Совершенно правильно. Не беспокойтесь, я выберу что-нибудь. Тоник. Или минеральную воду.

— Это из-за вашей работы? Насмотрелись на алкоголиков?

— Да не совсем. Есть другие причины.

— Понимаю. Тогда смотрите меню. Что будете есть?

Они оба полистали твердые картонные странички, Элина подозвала официанта, и тот принял заказ. Вино принесли; Максим попросил себе тоник с ли-

моном. Они чокнулись — Элина бокалом, он хрустальным низким стаканчиком — и выпили за знакомство.

— И давно вы в «Башкирской нефти» работаете? — спросил Максим, не придумав другой завязки для разговора.

— Уже года четыре.

— А до того?

— До того дома, в Екатеринбурге.

— Так вы недавно переехали в Москву? Не жалко было уезжать?

— Не очень, — передернула она плечами, — здесь интереснее.

— И где живете тут?

— В Химках снимаю квартиру.

— А семью перевезли?

— У меня только сын. Да, он со мной.

— Родители в Екатеринбурге остались?

— Нет, отец умер, когда я заканчивала школу. Мама вышла замуж, переехала к мужу. Артем к ней ездит на каникулы. Артем — это сын.

— Я понял. Работа вам нравится? — Максиму про ребенка не очень хотелось слушать.

— В целом да. Правда, обещали повышение, но пока молчат. Приходится мелочами заниматься, текущими моментами. Вот как с Дмитрием Павловичем.

— Да уж... Часто они у вас до белой горячки допиваются?

— Частенько. Как корпоратив — так двоих-троих увозим. Тут главное, чтобы в прессу ничего не про-

сочилось. Нам поэтому вашу клинику и рекомендовали. Я так поняла, что вы и главврач, и владелец?

— Да-да. Но владельцев трое, мы с коллегами.

— А помещение ваше? Или аренда? — спросила Элина деловито.

— Собственное. Строим еще одно, за городом. Хотим использовать под санаторий, для реабилитации.

— Наверное, это выгодно?

— Посмотрим, как пойдет. — Максим отложил салфетку, взялся за стакан: — Давайте за ваши успехи. Пусть повышение состоится.

Он уже заметил, что Элина охотно прикладывает к своему вину. Точно так же от него не укрылись ее заинтересованные взгляды, мелкое кокетство, смущенная улыбка. К такой реакции со стороны женщин он привык, принимал как должное. Стоит попробовать или нет? Мысленно он ее уже раздел, покрутил перед собой и одобрил. Только бы не оказалась чересчур восторженной, привязчивой. С этими больше всего проблем.

На выходе, подавая пальто, он не сразу убрал руки, провел Элине по плечам. Она замерла на миг — Максим это почувствовал. За ней уже подъезжало такси, надо было действовать быстрее. Под козырьком, где они ждали машину, он притянул Элину к себе, наклонился, медленно и со вкусом поцеловал. Она подалась к нему навстречу, прижалась всем телом. Промелькнула неприятная мыслишка, что с ее внешностью и работой такие эпизоды могут быть привычны, но какая разница, в конце концов! Когда желтый седан с черной полосой по борту остановился перед ними, Максим шепнул Элине на ухо:

— Может, лучше ко мне?

Она, не глядя на него, кивнула. Такси они отпустили, сели в его машину. Максим включил музыку, подкрутил подогрев сиденья и климат-контроль, чтобы спутница не мерзла. Долетели до Внукова за пятнадцать минут, дороги уже освободились. Он толкнул дверь, пригласил Элину внутрь — прошу! Она затопталась на пороге, отряхивая воду с сапог, вошла, расстегнула пальто. Максим принял его, повесил в стенной шкаф, убрал туда же свою куртку. Сапоги ее остались стоять на коврике, тапочки Максим не предложил.

— Тебя чем угостить? Алкоголь я дома не держу, будешь кофе? — он сразу решил перейти на «ты».

— Да, кофе. Очень хорошо.

Элина прошла по гостиной, обводя глазами полки и картины на стенах. Остановилась перед витриной с антикварными вещицами — лупами, стетоскопами, пенсне.

— Твоя коллекция?

— Да. Нравится?

— Очень. Можно открыть?

— Ради бога. Ключ в замке.

Она покрутила ключ, торчавший из замочной скважины в раме, открыла дверцы. Взяла из витрины старинный портсигар, открыла, понюхала.

— Надо же, табаком пахнет до сих пор...

— Вряд ли. Тебе кажется.

Он уже налил кофе в две чашки, поставил их на журнальный стол и вытащил коробку «Ферреро» из верхнего шкафчика. Сел на диван, наблюдая за Элиной: какое место выберет она? Та сначала направи-

лась к креслу, но передумала, устроилась с ним рядом. Подобрала ноги, откинула голову на спинку.

— У тебя очень красиво. И ты один здесь живешь?

— Да.

— Не женат?

— В разводе.

— Понятно... А дети есть?

— Дочка. Ей двадцать четыре.

— Моему Артему одиннадцать. Вы почему развелись?

— Да так, не сошлись характерами.

Следовало, наверное, задать тот же вопрос ей, но Максиму все равно было, что там у нее случилось. Он пододвинул к ней чашку, Элина взяла ее аккуратно, выпила эспрессо за пару глотков. Сама пересела к нему ближе, обвила руками шею, позволяя гладить себя. Он предложил подняться наверх; идя за ней по лестнице, обратил внимание на просвечивавший сквозь колготки темно-красный лак на ногтях. Включил в спальне музыку, погасил свет, но темные шторы задергивать не стал, чтобы оставался полумрак. Хотелось рассмотреть ее в подробностях, но при освещении женщины раздеваться обычно отказывались. Она оказалась стройной и гладкой, с полной тяжелой грудью — явно не своей. Максим сразу нащупал имплант под кожей. Жаль, что не натуральная; интересно, она на зарплату делала операцию? Или кто из мужчин оплатил?

Элина расстегнула на нем рубашку, потом ремень, пуговицы на «Ливайсе». Спасибо, не притворялась, будто сгорает от страсти, просто делала свое дело.

Она была опытная, умелая. Наслаждалась сама и помогала ему. Минут через сорок Максиму уже казалось, что Элина интересна, обаятельна, хотелось продолжать отношения, даже поухаживать. Это было неожиданно приятно, давно он не испытывал к женщинам подобных чувств. Она объяснила, что на ночь остаться не сможет, сын дома один. Провожая ее до двери, Максим предложил встретиться в выходные, съездить куда-нибудь за город в отель. Она заколебалась — не с кем оставить Артема, но потом пообещала придумать что-нибудь. Обменялись личными телефонами, поцеловались на пороге, и такси унесло ее в сентябрьскую морось. Максим посидел немного на кровати, вспоминая подробности минувшего вечера, прилег, вдохнул ее запах на подушке. Надо будет сказать домработнице снова сменить постель.

С этой мыслью он забрался под душ, вымылся до скрипа жесткой губкой и сел в кабинете работать.

Глава 2

В пятницу, договорившись с Элиной, Максим ее встретил у офиса и повез под Дмитров в отель со СПА. На стойке там спросили паспорта, Элина закопалась в сумке, покраснела. Максим ждал, недоумевая — что ее могло смутить? Оказалось просто: в паспорте значилось имя Елена, Элину она себе сама придумала. Он примерился — Лена, Алена. Очень неплохо, и ей идет.

В люксе на третьем этаже, который Максим заранее забронировал, были камин, большие аквариумы, в которых шевелили хвостами черные и золотые рыбы-телескопы. Элина — нет, Алена! — опустилась перед одним из них на колени, постучала накрашенным ногтем по стеклу. Рыбы не шелохнулись, так и висели над подсвеченной бело-голубой галькой, тараша огромные глаза. Максим походил по номеру, осмотрелся. Заглянул в ванную с надренной ванной, пересчитал белые махровые полотенца на сушилке. Одно развернул, вымыл как следует руки. Алена вошла следом за ним, обхватила сзади, прижалась к спине щекой.

— Тут так здорово! Спасибо, что меня пригласил.

Они поцеловались, стоя босиком на плитке. Похоже, она ждала, что он потянет ее к кровати, но Мак-

симу хотелось еще поужинать, может, поиграть в бильярд. Они отправились в ресторан отеля, посидели час-полтора, наблюдая за другими гостями и потихоньку обсуждая их. Там были в основном пары, ну и несколько компаний. Без детей — отель не принимал гостей младше 16 лет, что Максиму нравилось особенно. Не хватало еще слушать крики и гомон, когда пытаешься отдохнуть. Собеседницей Алена была приятной: ловила каждое его слово, поддакивала, время от времени вставляла уместные замечания. Он распаялся, рассказывал про любимые книги, которые в последнее время прочел: то критиковал, то хваливал. Она даже записала пару названий, чтобы не забыть и почитать тоже.

После бильярда в баре выпили чаю с можжевельником и клюквой, поднялись к себе, занимались любовью ночь напролет. В перерывах Алена доверчиво клала голову ему на грудь, гладила по щеке, ласкалась. Без краски на лице, без одежды, с распущенными светлыми волосами она казалась совсем молодой, ни за что бы он не дал ей тридцать четыре. Максим посчитал — на одиннадцать лет его младше. В самый раз.

Утром, проснувшись, она сперва вымылась под душем, почистила зубы и снова легла к нему. Кое-что показала из своих умений, совсем его покорила. День выдался солнечный и прохладный, в постели было тепло и не хотелось вставать. Алена позвонила по внутреннему телефону, попросила принести завтрак в номер. Им прикатили на тележке какие-то тарелки, судки — Максим не очень рассмотрел. Выпил черного кофе; Алена тем временем накрасила глаза,

сидя перед зеркалом со своей чашкой, съела ломтик сыра и несколько ягод, лежавших на блюде как украшение.

На территории отеля был маленький зоопарк: бродили в вольере северные олени, по соседству топтался, хмуро глядя из-под челки, коротконогий пони. На входе продавали пакеты с кормом, и Максим взял два, пошел вдоль ограждения, раздавая зверям бруски моркови и капустные листья. Больше всего ему понравились буйволы: они брали угощение осторожно, захватывая с ладони фиолетовым длинным языком. Деликатность этих здоровяков никак не вязалась с угрожающим видом.

На вторую половину дня был запланирован СПА — бассейн, сауна, турецкая баня. От Максима не укрылось, какие взгляды бросают на Алену другие мужчины: в черном бикини, с кожей цвета слоновой кости, которая будто светилась в полумраке, она казалась дивным морским обитателем, жемчужиной в хрупкой раковине.

Когда они отдыхали на диванах, он не сводил с нее глаз, следя за каждым жестом. Она намеренно вставала, показывала гибкую спину, проходила вдоль бассейна по бортику. Отпивала коктейль из пластикового стакана через соломинку, прикусывая ее ровными белыми зубами, поглядывая на него. Максим томился, хотел скорее вернуться в их люкс. Когда они там наконец оказались, набросился на Алену с неожиданным пылом, был, пожалуй, даже грубоват.

Портье принес дрова для камина, разжег огонь. Они расстелили на полу плед, устроились к камину ближе. Теперь Максиму уже хотелось знать, как она

живет, о чем думает. Он начал расспрашивать, но говорила Алена немного. Работа ассистента не по ней, хотелось бы чего-то более ответственного. Утомляют приставания начальников, бесконечные намеки. Артем остался дома с подругой, она обещала присмотреть. Очень славный мальчик и учится хорошо. Мать прислала из Италии фотографии, там сейчас прекрасно — не то что в Москве.

Максим встрепенулся — почему из Италии? Так ведь говорила уже: она вышла замуж, переехала к мужу. Тот итальянец, познакомились по переписке. Кто бы мог подумать, что закончится свадьбой, и тем не менее... Максиму стало по-настоящему интересно; оказалось, те живут в Генуе, маленьком морском порту. Артему очень нравится там отдыхать летом, бабушка с мужем его возят купаться на пляж, кормят вкуснейшим итальянским мороженым. Сама Алена тоже бывает у них, обязательно летает в отпуск. Все это он учел, записал на подкорку. В воскресенье, по дороге из отеля, предложил как-нибудь привезти Артема к нему в гости, в таунхаус. Глаза у Алены вспыхнули от радости при этих словах, она оживленно закивала головой.

На неделе она явилась в клинику забирать Дмитрия Павловича, которого Максим как мог привел в чувство. Тот был мрачен, но хотя бы нормально соображал, и Алена увезла его в аэропорт, отправлять назад в Уфу. Максим посочувствовал ей — невелико удовольствие таскаться за высокопоставленными пьянчугами.

Через неделю они условились провести выходные у него, Алена собиралась приехать вместе с сыном.

Тому очень понравились и дом Максима, и коллекция, и игровая приставка, купленная специально по этому случаю. Пока Артем играл, они с Аленой сидели за барной стойкой, пили из фарфоровых пиал дорогой китайский чай. Она рассказывала, что в школе мальчику не очень нравится, надо бы перевести, но это единственная, до которой можно дойти пешком. Под вечер Максим предложил заказать еду из ресторана, пиццу или суши.

— Давай лучше я приготовлю, — предложила Алена.

Открыла холодильник, в котором — редкий случай — лежал копченый лосось, сыр, немного свежих овощей. Она сделала салат, сливочный соус с лососем к пасте. Втроем они поужинали за большим столом, который давно уже простаивал в гостиной впустую; Максим с Артемом обсуждали недавний хоккейный матч.

Потихоньку Максим перевел разговор на школу, попытался узнать, что конкретно Артему не нравится. Тот признался, что другие дети учатся в основном кое-как и смеются, что он делает домашние задания, искренне старается понимать материал. Алена вздохнула, поводила по столешнице пальцем. Дети, что с них возьмешь! Максим как мог утешил Артема, рассказал про себя:

— Меня вообще в кадетское училище отдали. Забирали домой на каникулы, и то не всегда. А там настоящая казарма. Посадят делать уроки, но говорить с соседом не смей. Надо взять учебник из шкафа — спрашивай разрешение. Для каждой вещи своя пол-

ка, все по звонку, офицер-воспитатель дохнуть не дает.

— Серьезно? — изумилась Алена. — Зачем в кадеты, если ты собирался стать врачом?

— Мать рассчитывала, что меня потом устроят в Питере в военно-медицинскую академию. Правда, ничего не вышло. Я сам поступал, в Москве, в первый мед.

— А почему стал психиатром?

Максиму вспомнились лихие девяностые, когда он делал выбор между гинекологией и психиатрией. Хорошо, что в абортмахеры не пошел, правильно.

— Надо было зарабатывать. Я прикинул, что народ пить больше стал, значит, за наркологией будущее.

— Предусмотрительно. И как, не жалеешь?

— Да нет. Таких типажей за день навидаешься, хоть книгу пиши.

Алена хихикнула, вспомнив, видимо, как Дмитрий Павлович отбивался в процедурной от санитары с врачом. Когда Артем ушел спать к Максиму в кабинет, они устроились на диване, включили в ноутбуке фильм. Алена захотела романтику, комедию; Максим не стал возражать. Просидели допоздна, потом заперлись у него в спальне. Максиму удивительно было ощущать рядом женщину, в соседней комнате ребенка. Давным-давно он никого так близко к себе не подпускал. Пытался, лежа в кровати, понять, чем взяла его Алена. Тем, наверное, что не наседала, не настаивала. После Анны Ивановны он настойчивых боялся как огня. Не преследовала его, как паци-

ентки. Не строила «расчетов», как случайные знакомые из клубов и ресторанов.

Они встречались месяца три, выезжали куда-нибудь время от времени, несколько раз брали Артема с собой. Потом, перед самым Новым годом, Максим предложил ей расписаться, перевез во Внуково вместе с сыном, определил Артема в школу в поселке, и началась для него совсем другая, вполне себе счастливая жизнь.

По утрам Алена исправно вставала в шесть, готовила им с Артемом завтрак. Максим спускался, с удовольствием ел, ехал на работу. По дороге завозил в школу ребенка. Незаметно, без усилия, Артем стал называть его папой, и Максиму это нравилось, даже льстило. Он тоже привязался к мальчишке — тот был сосредоточенный, вдумчивый, серьезный. Много читал, и Максим охотно советовал ему любимые книги из детства.

Сашка, дочь, позвонила в конце января с вопросом: можно ли приехать в гости? Пока что Максим не знакомил ее с новой женой, да и сама она инициативы не проявляла. Он обрадовался, сразу пригласил. Алена приготовила ужин, накрыла на стол. Дочь сидела, ковыряясь вилкой в салате, периодически поглядывала на Алену исподтишка. Разговор не клеился, пока Максим не взял дело в свои руки, спросив про новый Сашкин проект на радио, куда ее, подключив старые связи, пристроила мать. Тут она оживилась, начала рассказывать, спрашивать мнение отца. Она встречалась с молодыми писателями, те делились задумками будущих произведений.

— Представляешь, па, один говорил, что хочет написать роман: женщину бросает муж, а она, чтобы ему отомстить, убивает их детей.

— Ты ему сказала, что «Медею» сочинили за пятьсот лет до нашей эры?

— Само собой. А барышня одна пишет про своих любовников, только в виде фантастических существ.

— Хм... бык и Европа?

— Скорее Даная под золотым дождем, — расхохоталась Сашка, — там такие подробности!

Алена тем временем сидела тихонько, глядела в окно. Когда они с дочерью поднялись в кабинет, вроде как по делу, Сашка прямо сказала:

— Пап, она не очень для тебя простенькая? Не пойму, что ты в ней нашел?

Максим подумал, что не рассматривал Алену с этой точки зрения. Она была красивая, заботливая, добродушная. В шкафу всегда ждали его отглаженные рубашки, по вечерам ужин стоял на столе. На сложных он достаточно на работе насмотрелся, знал, чем чреваты рефлексия и быстрый ум.

Он пожал плечами и ничего Сашке не ответил. Но после того вечера старался встречаться с дочерью отдельно, не дома. Приглашал поужинать или сам заезжал к ней. Анне Ивановне, ее матери, четко дал понять, что больше денег она от него не дождется. Трешку еще до брака переоформил Сашке в собственность.

С приближением лета зашел разговор о поездке в Италию, к Алениной родне. Максим не был уверен, что в клинике удастся освободиться, но партнеры отпустили, благословив: почти что свадебное путеше-

ствие. Они планировали оставить Артема с бабушкой, а самим погулять немного, посмотреть город. В Генуе был свой маленький аэропорт, туда и полетели. Вылезли из самолета, оглушенные жарой, забрали багаж и сразу их встретила Аленина мать, схватила внука в объятия. Ее муж — конечно же, Джованни — с улыбкой переминался с ноги на ногу в сторонке, ждал, пока очередь дойдет до него.

Поехали на их машине в пригород, где те жили в старенькой «трилокале» — по-нашему, той же двушке, потому что кухня была прямо в гостиной, а к ней примыкало две спальни. Ночевать у бабушки оставался только Артем, Максим с Аленой арендовали квартиру ближе к центру, чтобы отдохнуть в свое удовольствие. Поужинали пастой с жидким томатным соусом, которую приготовил Джованни, — мать Алены нахваливала мужнину стряпню, но внуку на всякий случай подсыпала тертого сыра, чтобы было сытнее. Распрощались уже в сумерках, отправились к себе на такси.

Машина нырнула в узкий переулок, под знак «ограничение движения». То есть не всякий транспорт туда проедет, надо учитывать габариты. Высадились у подъезда с тяжелой скрипучей дверью, прошли в коридор, напоминающий больничный подвал — с плиткой на полу и крашеными стенами. На лесенке, ведущей к лифту, Максим споткнулся о нижнюю ступень, чуть не упал. В лифт тоже поместился с трудом, пришлось пригибать голову.

В квартире их дожидалась хозяйка; она быстро передала ключи, показала, как запирается замок, и убежала. Максим скептическим взглядом окинул

временное жилье: какие-то тряпки на окнах вместо штор, старенькая мебель, выдавшая виды ванная. На фотографиях в интернете все это выглядело винтажным и оригинальным, а в жизни оказалось убогим, бедным. Хорошо еще постели были чистые, тут хозяйка не подвела. Жалеть он не жалел, но первое разочарование показалось отчасти пророческим. Вряд ли Италия ему сильно понравится.

После пасты Джованни Максиму все еще хотелось есть, но холодильник был пуст, магазины давно закрылись. Он вспомнил, что в том же доме, на первом этаже, есть пиццерия — вдруг она работает?

— Я голодный, — сказал Алене, — спустишься в пиццерию со мной?

— Это обратно переодеваться, — протянула она утомленно, — иди один.

Максим сбежал по лестнице, чтобы не лезть в микроскопический лифт, вышел на улицу. За шаткими деревянными столиками сидели люди, ели и болтали. Он присел тоже, попросил меню. Заказал на вынос две пиццы и просчитался — одной и то было многовато. Пиццы оказались огромные, как колеса у телеги, с жирными жареными баклажанами и кусками творожного сыра. Держа перед собой коробки, он осторожно вскарабкался наверх, выставил их на стол, открыл. Алена ухватила себе кусок.

— Вкусно! — Она облизнула рот и поцеловала Максима в щеку. — Вот ты молодец!

Он наелся, пускай и опасаясь изжоги, встал посмотреть в окно. Внизу, в полутьме, разглядел чьи-то импровизированные терраски с зонтиками и цветами в горшках. Хорошо, наверное, сидеть на такой

вечерами семейным кругом, обсуждая прошедший день.

Жарким утром они проснулись, начали собираться в город. Возле порта находился знаменитый океанариум, который Максиму обязательно хотелось посмотреть. Туда стояла очередь, в основном родители с детьми. Максим пожалел, что Артем не с ними, но Алена сказала, что в океанариуме они с бабушкой бывали, и не раз. Внутри оказалось темно, прохладно. Максим загляделся на танцы медуз, которых медленно нес с собой поток воды в аквариумах, повернулся к Алене — нравится? Она смотрела в телефон, что-то быстро листала. Оторвалась от экрана, кивнула в ответ.

Он долго стоял перед дельфинами, проплывавшими за стеклом; сверху их бассейн был открыт, и дрессировщик кидал им мяч. Они мелькали один за другим, ныряли к самому дну, взлетали стремительно на поверхность. Алена отвлеклась на стойку с сувенирами, потом предложила сфотографироваться, чтобы их фото отпечатали на магните или на значке. Максим помотал головой: только этого не хватало!

Они еще побродили, завернули в террариум с ящерицами и змеями, рассмотрели забавных тюленей, которые ловко соскальзывали с камней в зеленатую воду, прижимались усатыми мордочками к стеклу. Максиму показалось, что в вольере им тесно, стало жалко бедняг. Он предложил уйти, Алена согласилась.

Оказавшись на набережной, они огляделись, заметили рядом большой торговый центр с рестораном на верхнем этаже и решили пообедать порань-

ше, как итальянцы, которые завтракают одним капучино, и в полдень уже готовы садиться за стол. Ресторан был своеобразный: столики прямо посреди прилавков продуктового магазина. Усевшись между стойками с пастой и соусами, они попросили блюдо дня — ньокки. Итальянского ни Максим, ни Алена не знали, выяснить, что это за еда, не смогли, и когда им принесли по тарелке картофельных клецок с сырным соусом, недовольно переглянулись. Ньокки показались Максиму резиновыми и безвкусными, соус сильно пах козой. Вот тебе и хваленая итальянская кухня!

Кофе решили выпить где-нибудь на набережной, где сплошь тянулись кафе и бары. Они выбрали один, попросили эспрессо. Максим заметил прямо из бара проход в книжный, сразу захотел посмотреть. Конечно, книги на итальянском, но все равно это лучше любого ресторана. Он прогулялся вдоль полок, полистал пару томов. Мелькнула шальная мысль — почему бы не выучить новый язык? Может, и стоит, надо будет подумать. Похоже, в Италию придется ездить часто.

Алена окликнула его из-за столика: кофе принесли, иди! Максим отмахнулся, наслаждаясь любимым запахом резаной бумаги. Алена позвала снова, пришлось возвращаться. Сердитый, он залпом проглотил эспрессо, со звоном поставил на блюде белую чашку.

— Куда дальше? — спросил, рассчитывая на экскурсию по городу.

Алена предложила пойти по магазинам; ей не помешает новая сумка, какие-нибудь летние вещи.

Максим возмутился про себя: мало, что ли, двух чемоданов, которые они с собой привезли? Но пришлось отправляться на центральную улицу, с магазинами и большим театром в самом начале. По обеим сторонам там тянулись галереи, красная мозаика под ногами была похожа на ковровую дорожку. Они зашли в один бутик, в другой — Алена что-то щупала, перебирала вешалки, меряла обувь. Он покупал, что ей хотелось, не спрашивая, сколько стоит и зачем нужно, нес пакеты в руках, чуть ли не каждую минуту поправлял солнечные очки, сползавшие по мокрому от пота носу. Но когда впереди возник огромный супермаркет парфюмерии, Максим сдался и сказал, что внутрь не пойдет, останется в баре рядом.

Алена убежала, а он рухнул на стул и заказал себе «лемон-соду». К аперитиву ему принесли стеклянную тарелочку с орешками и чипсами, но Максим побоялся их есть, предполагая, что тарелочка переходила от одного клиента к другому, и все совали туда грязные пальцы. Ледяная газировка немного его освежила: она была не слишком сладкой, хотя и не горчила, как тоник. Он вытер бумажной салфеткой лицо, повертел головой, разглядывая соседей. Те заказывали в основном апероль-шприц или пиво, ели, не брезгуя, свои чипсы. В глубине души ему тоже хотелось алкоголя, тянуло закурить, но он гнал от себя эти мысли, решительно настроенный больше к дурным привычкам не возвращаться.

Посмотрел в телефоне сайт театра, мимо которого они проходили только что: оперный, черт! С классической музыкой у Максима отношения с детства не складывались, хоть мать и водила периодически в

филармонию. Нет, джаз — его предел. И чем теперь вечером заниматься? Сидеть в ресторане? Вообще-то скучно! Долгой беседы с Ленкой не получится, у нее сейчас все мысли заняты косметикой и тряпьем. Секс — развлечение минут на двадцать, а потом что?

Максим почувствовал, как подступает раздражение, скомандовал себе уgomониться. Можно, в конце концов, так же в баре засесть, почитать книгу. Где-то в Генуе есть художественный музей, надо бы заглянуть. Алена, выскочив из магазина, начала показывать покупки: крем, крем, еще крем, помада. Две коробки с духами, одна матери.

— Хочешь вечером в театр пойти? — перебил ее Максим, плюнув на нелюбовь к опере. — Я посмотрел на сайте, билеты еще есть.

— Там же на итальянском! Как мы пойдем?

— Это оперный театр, они петъ будут. Пойдем как-нибудь. Почитаем, на худой конец, либретто в интернете.

— Оперный? — Алена наморщила лоб. — Не, не пойду. Я была в Москве в Большом, чуть не заснула. Хочешь, иди один. Я дома отдохну. Ноги устали, ужас!

Максим подумал, что и правда не против сходить один, посидеть в темноте и прохладе — если, конечно, в театре работает кондиционер. Они снова пошли через галерею, рассматривая мозаичные узоры под ногами. Сверху свисали на цепях большие фонари, и Максим уже представлял, как красиво тут будет ближе к ночи, в темноте.

Добравшись до театра, он оставил Алену ждать на улице, а сам купил билет на вечерний спектакль,

какую-то «Тоску». Название заранее не радовало, но выбора не оставалось. По дороге домой они набрали в магазинчике продуктов, Алена попросила бутылку «Ламбуско», объяснив, что вино легонькое, как компот. Пока она что-то готовила на скорую руку, Максим принял душ, переоделся в чистую рубашку и джинсы — парадных вещей он с собой не взял. Они перекусили вместе, и он вышел пораньше с тем расчетом, чтобы перед спектаклем выпить кофе в баре.

Пока сидел за деревянным столиком под зонтом, рассматривал итальянских женщин: все темноволосые, в черном, с массивными золотыми украшениями. Многие курили, и даже не сигареты, а коричневые сигариллы; в воздухе витал ароматный дым. Одна поглядывала на него заинтересованно, но Максим, даже будь у него желание, заговорить бы не смог — знал только английский, и то немного. Заказал себе после кофе воду со льдом, расплатился за стойкой и двинулся в сторону театра.

Перед зданием с колоннами стоял бронзовый, покрытый патиной памятник: Джузеппе Гарибальди — с бородой и в картузе — на тонконогом изящном коне. Максим обошел его по кругу, прежде чем нырнуть в двери, куда уже стекалась публика. Зрительный зал ему понравился: стены там были похожи на улицу итальянского городка, с окнами и балкончиками. Когда дали третий звонок и начал гаснуть свет, Максим заметил, что еще немало мест свободно — видимо, туристы в оперу не спешили.

Заиграла музыка, полная женщина в старомодном пышном платье стала звать кого-то: «Марио! Марио!» Оказалось — художника, который писал кар-

тину на церковном алтаре. Кое-как Максим прочел на английском либретто, вроде сюжет понял. Но следить за перипетиями на сцене ему было лень, взгляд скользил по головам публики в партере, отвлекался на занавес и музыкантов из оркестра. Только когда художника стали пытаться, а потом бородатый злодей набросился на женщину в платье, требуя любви, Максим немного заинтересовался. Кончилась опера плохо: художника расстреляли, а дама — это ее звали Тоской — бросилась со стены замка.

На площади перед театром Максим постоял у фонтана, прошелся по галерее, которая с приходом темноты действительно преобразилась, став совсем волшебной. Итальянцы по домам не спешили, несмотря на поздний час: гуляли с собаками, сидели в барах, шумно обсуждали какие-то свои дела. Магазины уже закрылись, но меньше людей на улице от этого не стало.

Максиму не хотелось возвращаться в чужую неуютную квартиру, но больше податься было некуда. Он подумал о том, чтобы снова купить пиццу возле дома, но вовремя вспомнил, что Алена запасла продукты и ужин наверняка у нее готов. Когда он повернул в замке ключ, дверь почему-то не открылась, пришлось звонить. Долго-долго никто не отвечал, потом щелкнула задвижка. Алена стояла в коридоре, загадочно улыбаясь, и заметно покачивалась. Пьяная? Быть не может!

— Как опера? — поинтересовалась она и тихонько икнула. — Понравилась?

— Так себе, — ответил Максим, — а у тебя тут что?

— Все отлично. Есть хочешь?

Видно было, что она с трудом сдерживается, чтобы не захихикать, и пахло от нее как-то странно, фруктами и спиртом. Ну конечно, «Ламбруско»! Как же он забыл!

— Уже не хочу. Лен, ты выпила, что ли?

— Немножко. Вино вкусное, ты не представляешь! Будешь пробовать?

— Там еще осталось? Судя по тебе, вряд ли...

— Я спускалась еще раз в магазин. Захотелось расслабиться. Попробуй, оно не крепкое!

— Я вижу, какое не крепкое! Ну, надеюсь, ты довольна.

— Ты же не сердись?

Максим и сам не знал, сердится он или просто ошарашен внезапным «дежавю». Примерно в таком состоянии он регулярно заставлял Анну Ивановну перед разводом. Не дай бог, чтобы с Ленкой то же самое началось.

— Сержусь.

— Сильно? — она состроила огорченную гримаску.

— Не очень. Но больше так не делай. Сколько было твоего «Ламбруско»? Две бутылки? Три?

— Ну ты что! Я только вторую открыла. С клубничкой просто сказка. Иди, посидим.

Чтобы не ругаться, Максим сел с ней за стол, попробовал клубнику, рассказал, как побывал в театре. Алена включила музыку, но он попросил сделать потише — соседи, наверное, уже спят. Она забралась к нему на колени, поерзала, намекая на продолжение. Максим хотел было ее остановить, но потом подчи-

нил, дал себя раздеть. Пришлось потрудиться, чтобы она в этом состоянии почувствовала что-то, но ему удалось, и, когда они засыпали, Максим уже не ощущал ни раздражения, ни тревоги — только умиротворенность и сладкую пустоту. Напоследок Алена еще спросила, не против ли он, если они с матерью завтра поедут вдвоем куда-то за город, в аутлет. Может, ему тоже хочется прокатиться? Максим отказался, но жену отпустил — пусть развлекается. Заснул он на спине, держа руку под ее головой и слушая мерный гул кондиционера.

Глава 3

Наутро, оставшись один, Максим решил посмотреть наконец город как следует. Надел кеды, захватил бейсболку с козырьком и бутылку воды, загрузил в телефон карту и отправился. Ноги сами понесли к порту, но там, на набережной, устроили детский спортивный фестиваль. Максима это совсем не обрадовало, и он сбежал в путаницу переулков, где ювелирные лавки чередовались с продуктовыми, бродили неприглядного вида мигранты, а туристы, опасливо озираясь, ускоряли шаг. В одном таком переулке он натолкнулся на церковку, в подвальном этаже которой торговали прессой и сигаретами. Казалось, церковь стесняется такого соседства, мечтает оторваться от земли и взлететь — ее шпиль был устремлен в небо, а чтобы рассмотреть фасад, приходилось запрокидывать голову.

Чуть дальше на стене ему попались яркие граффити, которые так и просились в кадр; он сфотографировал их отдельно, а потом себя на их фоне. Подумал, что с его работой рисунок в тему: граффити изображали мозг с глазами, русалку со щупальцами и маргышек, катающихся с детской горки. Что-то в этом роде ему регулярно описывали пациенты, пересказывая свои галлюцинации.

Кеды начали нещадно натирать ноги; он и забыл, что они неудачные, привез с собой. Поколебавшись, Максим зашел в обувной магазин, попросил первые попавшиеся кроссовки, примерил, но отверг. Продавец, лопоча по-итальянски, стал предлагать другие, но разговора у них не вышло, Максим ни слова не понимал. Пришлось тыкать пальцем, выбирать наобум. Тем не менее он купил подходящие — белые, с удобной пружинящей подошвой. Там же, в магазине, надел их, а кеды выбросил в мусорное ведро.

Идти стало легче, прогулка уже доставляла удовольствие, и скоро он оказался на широкой мощеной улице с разноцветными особняками по обеим сторонам, исключительно пешеходной. Он брел не спеша, разглядывая причудливые лепные орнаменты на стенах: мрачных котов (наверное, это были львы), ушастых чертей и мускулистых атлантов с отколотыми носами. На приметном доме из темно-красного кирпича ему бросились в глаза афиши, приглашающие осмотреть выставку картин и интерьеров; Максим заплатил в кассе шесть евро за билет, поднялся по беломраморной лестнице в зал на первом этаже. Из интересного там был только потолок, весь расписной, в амурах и мадоннах. Из-за ярких красок он казался новоделом, как и люстры, и обивка на мебели.

Естественно, это некогда был дворец, принадлежавший семье аристократов, и Максим осмотрел еще спальню, тоже разрисованную фресками, с маленькой кроваткой под пологом и картинами на стенах. Рядом с ним кто-то сказал по-английски, что на крыше есть смотровая площадка, и Максим, отыскав лестницу, потопал наверх. Подниматься пришлось

долго, но оно того стоило: с крыши распахивался во все стороны вид на город, древний маяк — самый высокий в Европе — и море, бьющее в глаза своей синевой. Максиму стало жаль, что Алены нет рядом; хотелось взять ее за руку, обнять, постоять бок о бок. Глядя на Геную сверху, поискать их дом, площадь перед ним, театр, памятник — да хоть бы и ее парфюмерный магазин.

Загрустив, он решил возвращаться домой, но по пути попала остановка фуникулера, на котором можно было забраться в самую высокую часть города. Он сел в зеленый вагончик, кондуктор дал звонок, и начался подъем. Сверху Максим рассматривал дворики, провода, крыши домов; постепенно пейзаж из городского становился деревенским, под ним проплывали мощеные патио, крошечные бассейны, арки, увитые виноградом. Конечную остановку фуникулера делал в парке на холме. Там было безлюдно, видимо из-за жары, хотя и попадались периодически упорные итальянские бегуны, жилистые и загорелые, в полной амуниции и с фитнес-браслетами на запястьях. За одним из таких семенил, вывалив набок розовый язык, пятнистый бульдог с торчащими ушами.

Максим выбрал тенистый уголок, сел на траву. В телефоне накопились сообщения, в основном от коллег, хоть те и обещали не беспокоить. Что с бюджетом на следующий квартал — нужны еще деньги на ремонт в новом здании. Или пока его заморозить? Максим возмутился, сразу ответил, что деньги будут, ремонт надо продолжать. Он в глубине души очень рассчитывал заниматься санаторием за городом, а не

торчать в клинике каждый день. Ленка ничего не писала и фотографий не сбрасывала. Надо думать, увлеклась шопингом.

Он посидел, зажмурил глаза, минут десять, едва не задремал. Хотелось есть — обед он пропустил, а время уже перевалило за четыре. В рюкзаке нашелся завалившийся с Москвы протеиновый батончик, но голода тот не утолил, надо было спускаться назад, в город, искать какое-нибудь симпатичное местечко, чтобы перекусить. Максиму запомнился бар возле театра; там вроде кормили весь день, а не только в обед и ужин, как в большинстве итальянских ресторанов. Туда он и направился, сойдя с фуникулера, заказал себе пасту, ориентируясь по фотографии в меню, и лимон-соуду, которую успел полюбить.

Паста была получше, чем у экономного Джованни: вся купалась в сыре и вкусно пахла свежемолотым черным перцем. Официант, ставя перед ним тарелку, громко озвучил название — «качио э пепе». Получается, «пепе» — это перец? А «качио» что? Спросить бы, да не у кого. За соседним столиком сидела девушка с книгой и пивным бокалом. Заметив, что Максим смотрит в ее сторону, она показала сигарету и вопросительно подняла брови: зажигалки не будет? Максим помотал головой, улыбнулся, словно извиняясь. Зажигалку девушке подал официант, хоть это и не входило в его обязанности. Наверное, просто понравилась.

Максим понял, что скучает по такому общению, случайным знакомствам. С этой итальянкой он не против был бы заговорить. Резкая, сухая, с длинными тонкими пальцами, девушка отпивала свое пиво,

перелистывала нетерпеливо страницы книги. Максим наклонил голову, как будто пытается разглядеть название. Она показала обложку: «Tender is the Night». Надо же, на английском! Да еще и Фицджеральд; «Ночь нежна» — один из любимых его романов.

— Говорите по-английски? — спросила его девушка с итальянским акцентом, и Максим кивнул, предлагая ей пересесть ближе.

Девушка засмеялась, захлопнула книгу и переставила бокал к нему на стол. Затянулась, кольцами выпустила дым.

— Откуда вы?

— Из России, — ответил Максим, — Москва.

— О, русский! — воскликнула девушка оживленно.

— Как вас зовут? Я Максим, — пока он использовал самые избитые, вертевшиеся на языке вопросы и фразы.

— Маддалена, — девушка протянула ему узкую ладонь.

— Живете здесь?

— Нет, в Пизе. Учусь в университете. Приехала на один день. А вы?

— Моя теща... мать моей жены... мы приехали в отпуск.

— Ваша жена итальянка?

— Нет, русская.

Максим понял, что так ничего не объяснит, добавил:

— Мать моей жены замужем. Ее муж живет в Италии. Он итальянец.

Девушка покивала: ясно.

— Любите Фицджеральда? — Максим решил переходить к теме поинтереснее.

— Не знаю. Я только что купила книгу.

— Но начало вам нравится?

— Нравится герой. Но героиня — нет. Она наивная.

— Она очень молода. Жена героя взрослая, она интереснее. Она сумасшедшая.

— Давверо? — это девушка спросила по-итальянски, соскочив с английского, но Максим все равно понял: серьезно?

— Да. У нее шизофрения. Главный герой, ее муж, — врач.

— Он ее лечит?

— Нет, так нельзя. Врач не может жениться на пациентке.

— Почему? Я знаю врача, хирурга, он женился на женщине, которой делал операцию.

— Главный герой психиатр. Психиатры на пациентах не женятся.

— Это несправедливо. А откуда вы знаете, что не женятся? Вы психиатр?

Максим закрыл лицо ладонью:

— Да!

Девушка присмотрелась к нему повнимательнее:

— Вы похожи на психиатра.

— Давверо? — повторил Максим ее слово.

— У вас такой взгляд... Вы все знаете про человека.

Ее слова польстили ему, хоть и не были правдой.

— Это не так. Про вас я ничего не знаю.